

ВАЛЕРИЙ
ТИШКОВ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ
РОССИИ

Российский
народ и его
идентичность

Книга профессионала

Валерий Тишков

Национальная идея России

«Издательство АСТ»

2021

УДК 32(470)
ББК 66.2(2Рос)

Тишков В. А.

Национальная идея России / В. А. Тишков — «Издательство АСТ», 2021 — (Книга профессионала)

ISBN 978-5-17-137246-0

Валерий Александрович Тишков (1941 г. рожд.) — выдающийся ученый-историк и этнолог, заслуженный деятель науки Российской Федерации, дважды лауреат Государственной премии РФ в области науки, научный руководитель Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, автор многочисленных научных трудов и самый цитируемый в России и в мире российский ученый-гуманитарий. Есть давние вопросы, которые волнуют многих людей и на которые ищут ответы ученые и политики. Что есть нация, как она создается и какую играет роль в жизни людей и государств? Что есть Россия как страна и как народ: это государство-нация или цивилизация? Наконец, кто мы — россияне и какими мы представляем свою страну и ее желаемый облик? Вопросы строительства национальной государственности и сохранения уникального этнокультурного многообразия россиян определяют нашу внутреннюю и внешнюю политику. Гражданская солидарность, общие историко-культурные ценности, чувство сопричастности с Россией как своей Родиной и патриотизм — основы, которые делают нашу страну и ее народ суверенными и влиятельными в современном мире. Идея России как исторической и социально-политической общности, сложившейся в итоге общих прожитых драм, побед и выдающихся достижений культуры, обосновывается в книге академика Валерия Тишкова во всей ее полноте и сложности. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 32(470)
ББК 66.2(2Рос)

ISBN 978-5-17-137246-0

© Тишков В. А., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Введение	7
Часть I	18
Глава 1	18
Критика отрицателей национальных государств	18
О национализме	23
Глава 2	26
Национальные государства и их роль	26
Крупнейшие нации мира и их устройство	28
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Валерий Тишков

Национальная идея России

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Валерий Тишков, текст

© ООО «Издательство АСТ»

Введение

О познавательных подходах и идеологии

Одна из центральных научных проблем, на решение которой направлены исследовательские усилия российских гуманитариев в сфере социокультурной антропологии, политологии и социологии, заключается в осмыслении динамики культурного и религиозного разнообразия российского общества с целью обеспечения его стабильности и развития. Точнее, исследовательская задача заключается в поиске ответа на конкретные вопросы: *сложный этнический и религиозный состав населения России – это слабость государства и фактор риска или же это обстоятельство не имеет прямого отношения к стабильности и благополучию Российской Федерации и даже, наоборот, составляет ресурс развития? В чем состоит нынешняя «идея России», а именно – каковы смысл и механизмы национального строительства в Российской Федерации?*

Моя книга рассматривает эту проблему в глобальном контексте и в контексте новейших течений общественно-политической жизни России с учетом внутренних и внешних вызовов. Это своего рода пространное эссе на основе почти 30-летних изысканий, личного и общественного опыта по части понимания России и других культурно-сложных государств. Научная карьера автора сложилась так, что из полвека академических занятий мне три десятилетия довелось совмещать исследовательскую работу с участием в общественно-политической жизни страны, включая уровень государственного управления.

С середины 1980-х гг. автор был заместителем, а затем директором головного академического института в области этнологии, а в 1992 г. некоторое время одновременно входил в состав Правительства Российской Федерации в качестве министра по делам национальностей. В последующем были многочисленные вхождения в состав министерских коллегий, общественных и научных советов ведомств, членство в Совете при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, участие в общественных организациях, не говоря уже о научных разработках прикладного общественно-политического значения. Эти жизненные обстоятельства не только пополняли багаж книжного знания, но и влияли на выбор исследовательских тем, форму изложения текстов. Ныне уже покойные выдающиеся интеллектуалы Эрнест Геллнер и Чарлз Тилли оба говорили мне, что лучше писать небольшие книги, а не толстые фолианты, и что если ученый желает, чтобы его услышали и свершились предлагаемые им перемены, тогда нужно выстраивать отношения с теми, кто принимает решения (decision-makers).

Ситуация сложилась так, что я продолжал писать «толстые» книги, но сопровождавшая их публицистика и прикладная аналитика помогали транслировать идеи и предложения, многие из которых были реализованы. Конечно, не все и не в полной мере, но ученый должен понимать и принимать то обстоятельство, что между наукой и политикой всегда есть дистанция, и не все взгляды и предложения ученого могут и должны быть приняты, тем более в близкой перспективе. Но также нежелательны инертность и равнодушие исследователя к тому, как воспринимаются не только научными коллегами, но и обществом новые идеи и полученные знания о происходящем. Ученый должен обладать пассионарностью в отстаивании своих позиций, но и уметь признавать другие мнения, вносить коррективы в собственные подходы. Важно не впадать в крайности как в выборе теории и метода, так и в практических рекомендациях. *Гибкость без приспособленчества и пассионарность без одержимости – лучшие ориентиры для позиции ученого-гуманитария.*

Мои научные занятия и общественная жизнь пришлось на интересный и драматический период в жизни страны. Это была эпоха крайностей, когда умеренные, непартийные позиции

сохранять было непросто, а иногда именно они могли становиться предметом особого неприятия поборников радикальных взглядов и действий. Как однажды сказал мне шри-ланкийский ученый и адвокат Нилан Туричильван (позднее убитый тамильскими террористами): «Меня как умеренного ненавидят обе стороны за то, что я предлагаю примирить конфликтующих в моей стране». «All extremists hate moderates more than each other», – запомнились мне слова Нилана, сказанные им во время пребывания в Шри-Ланке с семинаром по урегулированию конфликтов.

Надо признаться, что и причиной моего добровольного ухода из правительства Б. Н. Ельцина в 1992 г. были похожие мотивы неприятия жесткой партийности, когда Г. Э. Бурбулис напутствовал меня на должность председателя Государственного комитета по национальной политике словами: «Твоя главная задача – искоренять там коммунистическое подполье», а вице-президент А. В. Руцкой предлагал «определиться» в пользу нарождавшейся тогда антидемократической фронды действующему президенту и его команде. Так что это были не просто мои «стилистические разногласия» с Ельциным, как я это объяснил тогда, но и более существенное расхождение. Я и сейчас считаю, что жесткая партийность не на пользу управлению государством и обществом, а умеренность в политике не есть проявление ее слабости. Как, кстати, и одержимость единством, ибо *признанное разнообразие (культур, взглядов, программ и правовых норм) – это и есть единство*.

Последние десятилетия XX в. были временем глубоких катаклизмов в жизни нашей страны. Это было время вершущихся политических импровизаций, массовых низовых мобилизаций, смены фундаментальных основ социально-экономического строя и государственного устройства, демонтажа прежних идеологических и морально-нравственных основ жизни. Наконец, 1991 год ознаменовал распад Советского Союза и возникновение Российской Федерации. Конечно, многие российские гуманитарии переживали все эти пертурбации не просто как наблюдатели «замков из слоновой кости», а как непосредственные участники и даже архитекторы многих перемен.

Первые десятилетия XXI в. связаны с руководством страной В. В. Путиным и глубокими социально-культурными и геополитическими трансформациями, когда фактически родилась новая страна или, точнее, страна-Россия родилась заново с новыми экономикой и политическим режимом. В новой России элита и наука оказались заняты драматическим поиском идеи нации, сохранением исторической преемственности и утверждением новой российской идентичности в условиях этнического и религиозного многообразия. Прошло 30 лет жизни после образования Российской Федерации, но образ страны и идентичность народа так и не сложились в полной мере. Это примечательное «отставание», или, как я его называю, *кризис понимания России*, отметил в одном из своих выступлений председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькин: «Процесс распада СССР для России стал очень болезненным. Поскольку новая страна, став правопреемницей прежней, настолько радикально изменила государственный, экономический и социальный строй, что она не сумела в полной мере унаследовать и устойчиво воспроизвести прежнюю российскую симфоническую идентичность. Это обстоятельство создает очень много проблем в сфере государственного управления, в сфере правопорядка и защиты конституционных прав граждан»¹.

¹ Выступление председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина на XVII пленарном собрании Всемирного Русского Народного Собора (30.10.2013).

Панорама Москвы (здесь и далее фото автора, если не указан иной источник)

И все же в стране *произошел поразительный прорыв от советско-ностальгической идентичности к общероссийскому самосознанию и патриотизму*, явный поворот от межэтнических напряженностей и региональной разобщенности к общероссийской солидарности и гражданскому согласию. Действительно, путь нового нациестроительства далеко не пройден, он переживает паузы и даже моменты попятного движения. Но это не должно обескураживать сторонников российского национального проекта. В такой большой и сложной по составу населения стране, как Россия, всегда будут сохраняться социально-политические разногласия и риски, внутренние и внешние угрозы. Также будет продолжаться вековечный диалог между разными полюсами общественной и политической мысли, начиная с давних споров «западников» и «славянофилов», а сегодня – между консерваторами и либералами, между националистами разных мастей и сторонниками гражданского равенства и межкультурного диалога. И в оценке переломных моментов нашей истории, ее ведущих фигур будут сохраняться споры, меняться научные и учебные трактовки под влиянием нового знания о прошлом и современного запроса со стороны политического класса и общества в целом.

Ясно, что между наукой и политикой есть определенный зазор, и установка на «научное руководство обществом» далеко не всегда реализуется в полной мере, по поводу чего привыкли сокрушаться ученые. Но и без научной проработки принимаемых решений политика и управление будут неэффективными и иметь печальные последствия. Хотя, казалось бы, каждое новое поколение пишет свою историю в смысле отбора и интерпретации исторического материала и оценок, но все равно существует отобранное профессионалами достоверное знание, которое составляет основу национального нарратива (исторической версии) прошлого. Игнорировать и подвергать необоснованной ревизии научное знание о прошлом непозволительно как домашним, так и зарубежным интерпретаторам.

Данный подход уважения научных взглядов распространяется и на оценки современного состояния общества, на проектирование его будущего. Здесь также недопустимы спекулятивные крайности на основе псевдонаучного знания, философской схоластики, мифопоэтических и теологических конструкций. Последние ведут к затратным усилиям без позитивного результата. *В общественном дискурсе и в политической повестке могут и даже желательны мечтания, призывы и лозунги, волевые действия и эмоциональный настрой, но «большие проекты», к которым относятся нациестроительство, формирование образа страны и*

ее народа, на основе только поверхностной публицистики и идеологическом предписании осуществить невозможно.

Доминирующая в современном общественном сознании теория *социального конструктивизма* как раз исходит из того, что на основе социальной реальности в результате целенаправленных усилий элит в лице экспертов и политиков претворяются в жизнь проекты созидания или разрушения, совершается сам по себе общественный процесс. Этот подход, а точнее – теория познания, о том, как люди формируют социальные феномены, включая сами представления о реальности. А реальность эта воспроизводится людьми в процессах ее осмысления и поддерживается за счет социальных взаимодействий. Во взаимодействии люди воспроизводят как своего рода «здоровый смысл» представления о жизненных реалиях, но которые на самом деле не есть что-то заданное изначально, а сконструировано самими людьми в разных ситуациях и в разных целях².

«Умом Россию не понять» (фото М. Б. Лейбова)

Исходя из этого подхода, научные и повседневные знания также являются продуктом договоренности людей. К этому относятся разные понятия и категории, включая те, о которых пойдет речь в книге, – это *нация* и *национальная идентичность*. В принципе, любые человеческие типологии и ценности, социальные образования, включая государства и институты, воспринимаются людьми как объективная реальность. Такими они и являются, но только эта реальность конструируется, как говорят ученые, *акторами*, т. е. действующими лицами исторического процесса.

Важно, что данный подход противостоит фатализму, историческому детерминизму (т. н. *path dependency*), политическим манипулированию и импровизациям без учета реальных условий и возможностей. Эта теория противостоит *эссенциализму* – представлению о том, что социальная реальность определяется внеисторическими и независимыми от сознания человека

² См. подр.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Academia Центр; Медимум, 1995; Якимова, Е. В. Социальное конструирование реальности: социально-психологические подходы: науч. аналит. обзор. М.: ИНИОН, 1999. О конструктивизме в политологии см.: Марта Финнемор. «Нам нужно было убедить коллег, что конструктивизм обладает объяснительной силой...» // Международные процессы. Том. 18, № 2, апрель-июнь 2020. С. 110–121.

сущностями. Однако надо учитывать, что социальные конструкты, лежащие в их основе идеи, порождены и принадлежат определенной культуре или сообществу, и они не всегда могут быть поняты и приняты другими культурами и сообществами. Но многие созданные людьми социальные феномены, как, например, государство и нация, будучи порожденными в одной культуре, обрели глобальное значение.

Социальный конструктивизм имеет определенные ограничители: он не есть безграничная фантазия и выдуманная реальность. Известный ученый Б. Андерсон называет нации *воображаемыми сообществами* (imagined communities)³, что совсем не означает выдуманные сообщества! Когда речь идет о сфере самосознания, о мире убеждений и ценностей, то здесь условиями и пределами возможностей для социального творчества являются существующая социальная реальность, наследованный акторами ментальный багаж, сложившиеся поведенческие нормы и стереотипы восприятия действительности, инновационные и традиционалистские взгляды, исходящие от разного толка активистов и проповедников.

Противостоящий конструктивизму подход называют примордиальным типом мышления. Это – течение общественной мысли, для которого главными в жизни являются не творчество, инновации и развитие, а опора на прошлую норму и вера в существование неких фундаментальных структур и предначертаний судьбы: от генов до божественных пророчеств. *Примордиализм* в чем-то схож с мессианизмом, будь это американская Manifest of Destiny (судьбоносное предначертание нести в мир демократию) или русская идея «третьего Рима» (мировое предназначение русского православия хранить основы христианства). В жизни конструктивизм и примордиализм как два взгляда на реальность и две философии познания пребывают зачастую в причудливых сочетаниях. Примечательно об идее и нациестроительстве высказались российские авторы в одной из книг по этой теме: «Прагматический проект нации апеллирует к примордиализму обыденного сознания масс, но реализует свой проект, следуя рецептам конструктивизма»⁴.

С этим положением двойственности, (не)уживчивости двух подходов можно было бы и согласиться, если бы не одно существенное обстоятельство. На стороне примордиализма все чаще выступают не только поборники старых прописей по части «материалистического понимания реальности» и «законов всемирно-исторического развития», но и недавние обладатели купленных дипломов и научных степеней – продукты научно-образовательной атмосферы последних десятилетий. Именно от этой уже довольно многочисленной когорты псевдопрофессоров и самозванных академиков истекает мутный поток идей и заклинаний по поводу России, ее прошлого и будущего. От них исходят призывы выработать «собственные инструменты познания», осуществить «духовную репатриацию современного общества» и т. п.

Узкая компетенция и апломб глобальных суждений, неотойнбистская схоластика и махровая конспирология, изоляционистское мышление досаждают, как никогда, отечественному общественному знанию. Последнее направление можно охарактеризовать как *фундаментализм*, который пребывает на подъеме не только в России, но и в других регионах мира, и он связан прежде всего с религиозными верованиями. Известный религиозный философ Мартин Марти писал, что фундаментализм апеллирует к «людям, неспособным вынести „случайное“, лишенное твердых опор и понятных ориентиров существование, и потому объединяющимся вокруг тех, кто готов предложить им абсолютное, всеобъемлющее, не ведающих сомнений и не признающее исключений мировоззрение». Фундаментализм – это идеология реактивная, реакционная, и этой идеологии «совершенно необходима некая сила, тенденция, некий враг, который мог бы восприниматься как потенциальная или уже вполне реальная угроза,

³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016.

⁴ Кара-Мурза С. Г., Куропаткина О. В. Нациестроительство в современной России. М.: Алгоритм: Научный эксперт, 2014. С. 58.

разъединяющая и разрушающая все самое дорогое для данного сообщества». Так называемые фундаментальные ценности «непременно восходят к более ранней, чаще всего – изначальной, чистой и неиспорченной... стадии священной истории соответствующей группы». Эти ценности используются для того, чтобы обозначить границы, привлечь и объединить «своих» и оттолкнуть «чужих»⁵.

Фундаментализм сходен во многом национализму, но есть и различия. Как пишет крупнейший историк XX века Эрик Хобсбаум, если фундаментализм (в любой его религиозной форме) в какой-то мере все же «опирается на остатки подлинных традиций, обычаев, обрядов, воплощенных и закрепленных в религиозном культе, то национализм как таковой оказывается либо откровенно враждебным реальному, невыдуманному прошлому, либо возникает на его обломках». Но с другой стороны, у национализма есть другое преимущество перед фундаментализмом: «Сама его неопределенность, отсутствие в нем конкретной положительной программы способны обеспечить национализму всеобщую поддержку в пределах данной группы»⁶.

Попробуем разобраться в этом соотношении фундаментализма и национализма с точки зрения обсуждаемой нами идеи государства и нации. Поскольку именно от «православных религиоведов» (помимо зарубежных отрицателей) случился накат на российский национальный проект, приходится уже во введении книги высказать несогласие с нашими оппонентами и некоторыми высокопоставленными позициями. Речь идет о проявлениях антинационального фундаментализма, которые исходят во многом от околоцерковных публицистов, а затем могут отражаться в выступлениях лидеров церкви и в деятельности, например, такой влиятельной организации, как Всемирный русский народный собор (ВРНС).

В своих публикациях и в собственной телепрограмме один из ведущих идеологов ВРНС выступает противником концепции полиэтнической гражданской нации, выдавая ее за чуждый либерально-западный проект. Вот как он завершает главу своей книги, посвященную разбору одной из моих публикаций, а также принятой в 2012 г. Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации: «В общем, обнародованный проект „русской нации“ явно не схватывает существующие реалии, плохо вписывается в пространство носителей русского языка, культуры и русской формы православия (русский мир). „Российская нация“ имеет смысл только как синоним русской – но тогда, признаться, неясно, зачем без необходимости умножать термины. Да и мнение нации о себе самой кое-чего стоит. Ведь национальная принадлежность определяется не только „треугольником“ идентичности, но и внутренним ощущением общности... Способны ли русские, состоявшись как нация, еще и выполнить свою миссию – сохранить для мира ценности, лежавшие в основе единой христианской цивилизации? Если они не станут жертвами безответственного „национально-гражданского конструирования“ – думаю, да»⁷.

Обращение к русской теме, к мировой миссии русской нации хранить основы христианской цивилизации безусловно обладают притягательностью, эмоциональным воздействием и к тому же резонируют с реальными озабоченностями русских людей в России по части их жизненного преуспевания, статуса в разных сферах общественной жизни: от доступа к ресурсам и положению в бизнесе до состояния среды обитания, здоровья и культуры. Однако аргументы религиозных философов при всей их, казалось бы, убедительности требуют критического разбора, который выявляет фундаментальную несостоятельность и нереализуемость высказываний, претендующих на понимание той самой якобы никем не конструируемой «реальности».

⁵ *Martin E. Marty. Fundamentalism as a social phenomenon // Bulletin of the American Academy of Arts and Sciences. Vol. 42. November 1988. P. 1529* (Цитир. по: Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб: Алетея, 1998. С. 276).

⁶ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб: Алетея, 1998. С. 279.

⁷ Тишков А.В. Вопросы идеологии. М.: Абрис, 2018. С. 237238.

А. В. Щипков обосновывает некое подобие новой идеологии под ее разными названиями: «социал-традиционализм», «левый консерватизм», «консервативный социализм» и т. п. Эта духовно-идеологическая тенденция, по его мнению, «будет противостоять набирающему силу ультраправому тренду, который является генетическим преемником неолиберализма». Он призывает решить проблему: «как защитить от разных идеологических конструкторов „простое“, „бытовое“, „родное“, традиционное, непосредственное, т. е. коллективный культурный опыт, воспринимаемый в его целостности, подлинности, исторической устойчивости. Как защитить от конструктивистской агрессии аутентичное, спонтанное, эссенциалистское восприятие культуры. Как объяснить на уровне идеологии, что ценности, идеалы и их преемственность обладают куда большим историческим ресурсом, нежели сборка-разборка бесконечных культурных проектов». Суть этой «духовной репатриации современного общества», по его мнению, в «трансляции от поколения к поколению ценностей и идеалов, культурно-исторического архива общества (например, православной этики и духа солидарности – для русской культуры)»⁸.

⁸ Щипков А.В. Вопросы идеологии. М.: Абрис, 2018. С. 237-238.

Святейший Патриарх Кирилл на вручении Макарьевской премии в Президиуме РАН, 2018 г.

Одним из центральных тезисов предлагаемой программы для России стал *цивилизационный подход*, который многократно обсуждался на соборных заседаниях ВРНС и отражался в его официальных документах. Примечательным было заседание 2013 года под названием «Россия как страна-цивилизация. Солидарное общество и будущее российского народа». На заседании в речи Святейшего Патриарха Кирилла были сформулированы задачи: осмыслить место России в судьбе человечества, предложить гармоничную форму общественного устройства и дать прогноз на завтра. Патриарх задал вопрос, является ли Россия особой, уникальной, самостоятельной цивилизацией, равновеликой Западу, Индии или Китаю? По его мнению ответ может быть только утвердительным. «Едва ли у кого-то из людей, серьезно интересующихся философией истории, это может вызывать сомнения... Одно перечисление выдающихся имен русских и зарубежных исследователей, признававших Россию самостоятельным, самобытным обществом, выглядит внушительно. В этом списке окажутся очень разные люди – такие, как Николай Данилевский, Арнольд Тойнби, Освальд Шпенглер. А разве возникновение в начале XX века русской религиозной философии – яркого, самобытного направления в гуманитарной науке – не является доказательством самобытного творческого начала нашей цивилизации?.. ...Поэтому на вопрос, является ли Россия самостоятельной цивилизацией в семье крупнейших цивилизаций планеты, мы обязаны дать утвердительный ответ. Да, Россия – это страна-цивилизация, со своим собственным набором ценностей, своими закономерностями общественного развития, своей моделью социума и государства, своей системой исторических и духовных координат»⁹. Ранее, на соборном заседании 2012 г. Патриарх говорил о достижении суверенитета «пространства смыслов, духовных символов, социально-культурного развития» и о «создании собственных инструментов познания – социологических, политологических, культурологических», а Всемирный русский народный собор должен стать «интеллектуальным центром, собирающим вокруг себя людей, способных ставить и решать подобные задачи».

Не стоит преуменьшать возможное воздействие стремления РПЦ быть интеллектуальным центром для создания инструментов познания. Помимо духовного окормления верующих и социальной миссии от имени столь влиятельного института может формулироваться и более широкая повестка. Следует понимать, что «фундаментализм (в любой его религиозной форме) предлагает как индивиду, так и обществу подробную и конкретную программу, пусть даже она заимствуется из священных текстов и традиций, соответствие которым условиям XX века далеко не очевидно». В таком варианте «Коран, Библия или иной авторитетный компендиум вечных истин – в интерпретации тех, кто вправе его истолковывать, – станет единственным практическим и моральным руководством для всех и на все случаи жизни», – писал Хобсбаум¹⁰.

Слову Патриарха на соборах обычно предшествует приветствие Президента Российской Федерации. В этих приветствиях можно прочесть похожие слова о цивилизационной уникальности России и о том же самом Данилевском. В приветствии ВРНС 2018 г. (тема собрания была «25 лет по пути общественного диалога и цивилизационного развития России») В. В. Путин, говоря о важной роли России в мире, сказал следующее: «Это предопределено и нашей традицией, и нашей внутренней духовной культурой, самосознанием и, наконец, самой историей нашей страны как самобытной цивилизации, уникальной, но не претендующей самоуве-

⁹ Слово Святейшего Патриарха Русской православной церкви Кирилла на XVII пленарном собрании Всемирного Русского Народного Собора (30.10.2013).

¹⁰ Хобсбаум Э. Указ. соч. С. 278.

ренно и хамовато на свою исключительность. Потому что невозможно представить историю человечества без таких же неповторимых цивилизаций, как Индия, Китай, Западная Европа, Америка и многих других. Это действительно многоликая сложность, каждая грань которой дополняет и обогащает друг друга. И здесь хочу напомнить слова выдающегося русского мыслителя XIX века Николая Данилевского: „Ни одна цивилизация не может гордиться тем, чтобы она представляла высшую точку развития“¹¹.

Эти слова Президента о необходимости смирения гордыни и самоуверенной исключительности, однако, не возымело действия на идеологов ВРНС. В одном из итоговых документов Собора 2013 г. вместо российской цивилизации участники «констатировали, что духовно-нравственные ценности русской цивилизации открываются для нас в православной этике, добролюбии, русской иконе, церковном зодчестве, трудолюбии, нестяжательстве, взаимопомощи и самоуправлении русской общины, то есть в той структуре бытия, где духовные мотивы жизни преобладали над материальными, где целью жизни была не вещь, не потребление, а совершенствование, преображение души. Эти духовные формы существования пронизывают всю историческую жизнь русского народа. Они определили его национальное самосознание. На основе этих ценностей сформировалось величайшее в мировой истории государство, объединившее в гармоничной связи многие другие народы, развилась великая культура, искусство, литература, ставшие духовным богатством всего человечества»¹². В документе XXIII Собора 2019 г. была записана схожая констатация: «Исторически сложившееся государственное единство России обеспечивается развитием страны как государства-цивилизации, скрепленной русским языком, русской культурой, русским народом, который выполняет миссию государствообразующего народа»¹³. Таким образом, идеологи ВРНС проводят две основные идеи: Россия – это не нация, а цивилизация, русский народ – создатель этой цивилизации. Вся аргументация здесь носит обращенный в прошлое характер как по составляющим цивилизацию характеристикам, так и по избранным для отсылки авторитетам. Особо интригуют ссылки-сравнения на Индию и Китай, с которыми может и должна равняться Россия как цивилизация. Данные отсылки побуждали меня включить в книгу главы, разбирающие опыт национального развития этих похожих на Россию по своим величию и сложности наций-государств.

Надо признать, что усилия православных идеологов находят поддержку, будучи подпитаны аргументами таких союзников, как этнические националисты разного толка, которые не желают никаких других «наций», кроме собственных. Поспособствовали религиозно-консервативному повороту и общие тенденции мирового и отечественного политического климата с его кризисом идеологии либерализма и глобальной рыночной экономики. В смягченной форме в перечень поправок в Конституцию страны вошла поправка и о государствообразующем народе, и не прошли предложения сделать запись о российском народе как гражданской нации или хотя бы упомянуть категорию *российский народ*.

Отказ от национального государства, гражданского нациестроительства вызывает озабоченность не только у сторонников утверждения российской идентичности из состава ученых и общественников, но и представителей правовой науки о государственности. На том же пленарном собрании ВРНС 2013 г. в выступлении председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина прозвучали диссонансом сказанные им слова. Этот видный ученый-юрист допускает, что судьбу своей страны можно воспринимать в сосредоточии на внутренних процес-

¹¹ Выступление Президента России Владимира Путина на XXII ВРНС «25 лет по пути общественного диалога и цивилизационного развития России» (2018 г.).

¹² Резолюция секции «Духовно-нравственные основы российской цивилизации в семье и образовании: прошлое, настоящее и будущее» XVII ВРНС «Россия как страна-цивилизация. Солидарное общество и будущее российского народа» (3031.10.2013).

¹³ Стратегия народосбережения в Российской Федерации на период до 2050 года. XXIII ВРНС «Народосбережение – настоящее и будущее России».

сах и настаивать на их независимости от происходящего в мире. «Но рано или поздно этот подход демонстрирует свою недостаточность. Значит, мы возвращаемся к тому, что называется глобальным контекстом». В этой связи Зорькин высказал несогласие с мнением о крахе вестфальской системы национальных государств: «Именно вестфальская система определила содержание понятия „национальное государство“, „национальный суверенитет“ и т. п. Все те понятия, которые являются фундаментом современного права: и международного, и конституционного... Создавая конституцию, наполняя ее определенным содержанием, пытаюсь соотносить внутреннюю специфику страны с глобальным контекстом, мы все время исходим из ключевого понятия „нация“. **Недопустима даже мысль о демонтаже этого понятия** (подчеркнуто мною – В.Т.) ...Но суверенитет в его классическом понимании предполагает обязательное наличие нации и национального государства... Оказывается, что для организации здоровой структуры глобального мира пока ничего лучшего не придумано, кроме национальной идентичности, построенной на классическом единстве культуры, истории и образа жизни. Как не придуманы и какие-либо иные правовые конструкции, кроме национальной конституции, способные обеспечить надежное существование государства. Убежден, что построенную на Вестфальских принципах мировую систему суверенных государств, объединенных ООН, рано сдавать в архив»¹⁴.

Итак, выявляются два фундаментальных противопоставления, по которым необходимы разъяснения. Первое: *Россия – это нация или цивилизация? Наш ответ однозначный: Россия – и нация, и цивилизация, как те самые Китай и Индия.* И это будет объяснено в книге. Второе: *как называть нацию в России: русская или российская? Ответ однозначный: есть русская нация и есть российская нация как две разные и не исключające друг друга формы идентичности*, и автор этой книги, как и сто миллионов моих сограждан, считает себя и русским, и россиянином.

Если что-то непонятно в моих ответах, тогда надо читать мою книгу. В ней речь идет об очень важной вещи – о понимании страны и нас самих. Речь идет о таком большом проекте, как страна и нация. Ключевым моментом этого проекта являются не только материальные ресурсы в виде географических пространств и природных запасов, сильной экономики и оборонной системы, но и адекватное понимание и эффективное управление обществом. Последнее невозможно на основе нищей философии и конъюнктурной экспертизы. Оно возможно на основе качественной и ответственной науки и политики.

¹⁴ Выступление председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина на XVII пленарном собрании Всемирного Русского Народного Собора (30.10.2013).

Часть I

Глобальный контекст и три примера

Глава 1

Национализм и национальное государство

Попытки некоторых ученых, а вслед за ними – поверхностных пропагандистов и слабо думающих политиков представить Россию как некую аномалию в концерте современных наций-государств или как уникальную цивилизацию «между империей и нацией» и утверждающих, что «Россия – это не nation state и не может им стать»¹⁵, нам представляются ошибочными и саморазрушительными. К великому сожалению, доктрина и практика национального строительства в России застряли в инерции еще советского правоучения о «национально-государственном строительстве» и «национальном самоопределении» в их сугубо этнических смыслах. Или же они утопают в историософских дебатах, замешанных на паранаучных высказываниях о неких «цивилизационных кодах», «традиционных духовно-нравственных ценностях» и представляют собой больше эмоциональную терапию от угроз «враждебного мира», а не реальную экспертизу и политическую практику¹⁶.

Критика отрицателей национальных государств

Две темы овладели умами российских специалистов, пишущих о России как о стране и ее народе: это концепт *цивилизации* и концепт *идентичности*. Тема цивилизации совсем не нова для отечественного и мирового обществознания¹⁷, но вдруг получила верхушечное предписание со стороны политического истеблишмента и Русской православной церкви заниматься изучением русской/российской цивилизации и руководствоваться этим подходом в образовательных, медийных и других общественных сферах¹⁸. Такая поверхностная индоктринация по части уникальности страны, ее всемирного призвания, досаждающего своей враждебностью внешнего мира, долго длиться не может. Однако следует признать, что схожие характеристики нового изоляционизма и неоконсерватизма стали присущи и остальному миру национальных государств, международному научному и общественному дискурсу в целом. Если это так, то дело обстоит еще хуже. Это становится похоже на глобальный хаос, разрушение норм взаимных отношений и ответственности национальных государств, не говоря уже о международных праве и договоренностях.

¹⁵ См. обсуждения этой темы: Между империей и нацией // Россия в глобальной политике. 2017. № 2. С. 38; Полит. ру 06 июля 2020, 19:12. Алексей Миллер: Нация или могущество мифа. Схожие позиции авторов: Паин Э. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Новое изд-во, 2004; Паин Э. А., Федюнин С. Ю. Нация и демократия. Перспективы управления культурным разнообразием. М.: Мысль, 2017.

¹⁶ О смутно понимаемом нациестроительстве см.: Мнацаканян М. О. Нации, «нациестроительство» и национально-этнические процессы в современном мире // Социологические исследования. 1999, № 5; Национальная идея: страны, народы, социумы / отв. ред. Ю. С. Оганисян. М.: Наука, 2007; Кортунов С. В. Национальная идентичность: Постигание смысла. М.: Аспект Пресс, 2009; Кара-Мурза С. Г., Куропаткина О. В. Нациестроительство в современной России. М.: Алгоритм: Научный эксперт, 2014.

¹⁷ Ильин В. В., Ахиезер А. С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М., 2000; Россия в многообразии цивилизаций / Под ред. Н. П. Шмелева. М.: Изд-во «Весь Мир», 2011.

¹⁸ Рекомендации по внедрению цивилизационного анализа в повестку академических исследований были даже разосланы в 2017 г. от имени Совета Федерации Федерального Собрания РФ, хотя исходили они изначально от малоквалифицированной группы авторов из Института культурного наследия при Министерстве культуры России.

В России в самое последнее время разговор на тему нации-цивилизации пошел в разные стороны, что было бы не так плохо, если бы за этим не следовала политическая стратегия высокого уровня. Напомним позицию активно пишущего историка А. И. Миллера: «На самом деле идея, что нация – это норма и что nation state – это норма, серьезными политологами уже давно оставлена. Есть масса различных форм государственных образований, которые в той или иной степени мимикрировали под национальное государство просто потому, что до недавнего времени Запад абсолютно доминировал в международных отношениях. Действительно, приходилось верить в, казалось бы, незыблемое, что демократия, нация и благосостояние – это такой пакет, причем благосостояние идет за демократией как ее результат. Но от этого мало что осталось сегодня»¹⁹. Точно так же Миллер считает, что «миф все включающей нации, каковая якобы существует в западных странах, уже умер. Миф о том, что nation state – обязательно самая успешная форма, тоже умер, и что это непременно ведущая к демократии форма»²⁰.

Но тогда что же осталось как вариант для России и для остального мира? Россия – «это просто не национальное государство, – пишет Миллер. – Это государство, в котором существует целый ряд политически мобилизованных групп, которые считают себя нациями. Если это случилось, то уже „фарш невозможно повернуть назад“. Значит, с этим надо как-то выстраивать какую-то конструкцию. Если мы только поймем, что национальное государство не является абсолютной нормой, если мы, кстати, поймем, что демократия никогда не была преобладающей по численности, по распространению, формой политической организации человеческих обществ, никогда, – то тогда мы поймем, что у нас есть довольно широкое поле для экспериментов. Лишь бы разумных. При строительстве государства и при использовании дискурса нации»²¹. При этом Миллер в своих публикациях и публичных лекциях так и не смог сформулировать свое понимание столь важной категории, потому что «определить нацию как нечто стабильное очень трудно» и социальные науки только сейчас «постепенно начинают нащупывать» способы изучения ранее невиданных вещей.

В этих рассуждениях, пожалуй, только упоминания Запада как родоначальника концепта нации и национального государства является трудно оспоримым. А в остальном суждения уважаемого коллеги крайне спорны. Во-первых, никакой незыблемой веры в то, что «демократия, нация и благосостояние» есть некая неразрывная субстанция, среди специалистов и политиков не было и нет. В России эта увязка присутствовала только среди экспертов «Либеральной миссии» и нами уже неоднократно опровергалась²². Напомним, что даже в Европе уже в XX веке существовали далекие от демократии режимы (франкистская Испания, Греция времен «черных полковников», Германия и Италия при фашистских режимах), при которых соответствующие европейские нации не упразднились и даже переживали стадии консолидации, пусть и навязанной сверху и силой. Об остальном мире, от Турции до Китая, о данном обязательном «пакете» вообще не может быть и речи.

Что касается благосостояния, то эта сторона общественной жизни не имеет отношения к нациестроительству (к устраивающему меня выражению Миллера – «дискурсу о нации»). Низкий уровень благосостояния и даже проблемы бедности, социальные, религиозные, расово-этнические и другие разрывы внутри наций-государств – это почти константа их существования на протяжении всей известной истории, включая и сегодняшний день. Да, «отец нации» Сунь Ятсен на заре XX века в своей программе строительства китайской нации «Три народных принципа» называл как главные цели национализм, народовластие и народное благоденствие.

¹⁹ Полит. ру. 06 июля 2020: 19.12. А. И. Миллер. Нация или могущество мифа.

²⁰ Там же.

²¹ Полит. ру. 06 июля 2020: 19.12. А. И. Миллер. Нация или могущество мифа.

²² Тишков В. А. Об идее нации // Общественные науки. 1990. № 4. С. 83–95; Он же. Российская нация и ее критики // Национализм в мировой истории / Под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. С. 558–601; Российская нация: становление и этнокультурное многообразие / Под ред. В. А. Тишкова. М.: Наука, 2011.

Но это совсем не означает, что в XX веке не существовало китайской нации до тех пор, пока только в самые последние годы в Китае стало возможным говорить о благосостоянии народа. Не думаю, что бедняцкие фавелы бразильских городов или десятки миллионов живущих на улицах бездомных индийцев исключают существование бразильской или индийской наций.

В разной степени и в разные временные периоды – это обстоятельство касается всех стран мира. Даже если условно признать, что «обязательный пакет для нации» состоялся только в «демократической и благосостоятельной» Европе, тогда весь остальной мир и есть та самая, по словам Миллера, «масса различных форм государственных образований, которые в той или иной степени мимикрировали под национальное государство». Но это не так, и о глобальном контексте нациестроительства, о культурной сложности современных наций речь пойдет ниже.

Последнее замечание в моей критике Миллера – это вопрос, можно ли «провернуть фарш назад» в том смысле, что в России целый ряд «политически мобилизованных групп» уже считают себя нациями? Это слабый, хотя и воздействующий на обыденное сознание и на политико-правовое мышление аргумент. Казалось бы, уже стало аксиомой и зафиксировано всеми справочно-энциклопедическими изданиями, что содержание понятия «нация» не только менялось по ходу истории, но и в современном мире существуют два отличающихся концепта нации, его бытования и политического использования: *гражданской/политической нации* и *этнической/культурной нации*. Элементы того и другого могут пронизывать друг друга, трансформироваться из одной формы в другую, но тем не менее это разные, хотя и сосуществующие концепты. Между ними есть в зависимости от конкретных форм проявления соперничество и даже, казалось бы, порою непреодолимый конфликт. Именно по этой причине мною еще в 1990-х гг. была предложена трактовка нации как политически и эмоционально нагруженной *метафоры коллективного самообозначения*, за исключительное обладание которой борются две формы социальных коалиций людей: сообщества по суверенному государству (согражданства) и сообщества по культурной схожести (этнические общности)²³.

Примеров существования наций внутри наций более чем достаточно, причем, это далеко не обязательно вариант борьбы подчиненной нации против господствующей нации за свое самоопределение, понимаемого как выход из общего социо-политического пространства, за «свою государственность». Такие мобилизованные группы, а точнее, этнические общности или регионально-культурные сообщества существуют далеко не только в России, а фактически во всех современных крупных государствах, где есть свои «внутренние нации». Феномен «первых наций» мною изучался в Канаде еще в 1970-е гг., когда среди местных аборигенных сообществ, исключительно политически мобилизованных, возникло движение за создание на основе общеканадской организации «Братства индейцев Канады» новой организации Ассамблеи первых наций (Assembly of First Nations). Тогда же я посетил и вел полевые исследования среди гавайских общин, которые позиционировали себя как Гавайская нация (Hawaiian Nation). Позднее таких «политически мобилизованных групп», которые считают себя нациями, я встречал по миру в десятке других стран: от французских Корсики и Бретани до Шри-Ланки и Австралии. Везде в этих странах государство и общество обосновывали и утверждали концепцию полиэтнической нации, несмотря на проявления «национального нигилизма» и открытых противников.

Как эти ситуации разрешаются, регулируются, управляются без «мясорубки и фарша», специалистам известно: пусть и не везде успешно и бесконфликтно, но в целом это делается в рамках общего государства-нации. В 1990–2000-е гг. нами в рамках проекта «Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов» (EAWARN) были проведены международные научные конференции и семинары в десятках стран, где есть те самые явле-

²³ Тишков В. А. Что есть Россия? (Перспективы нациестроительства) // Вопросы философии. 1995. № 2. С. 3–17; Он же. Забыть о нации (Постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3–26.

ния этнонационализма и сепаратизма, а также трудные проблемы нациестроительства. В принципе общие рецепты предотвращения/разрешения конфликтов, достижения согласия и основы современного нациестроительства в полиэтничных государствах нами и другими авторами уже неоднократно излагались²⁴.

Главный смысл всех этих рецептов – это *инклюзивный подход к нациестроительству и понимание нации как культурно сложного (поликонфессионального и мультиэтничного) сообщества без запретов на автономию и даже «национальную самокатегоризацию» групп большинства и меньшинства в рамках одного государства*. Верховный суд Испании пытался наложить запрет на использование термина «нация» в тексте автономного статута провинции Каталония, но из этого ничего не вышло: жители этой провинции предпочли называть себя нацией, оставаясь в составе большой испанской нации. Ничего удивительного или несурзального в этой ситуации мы не видим, как ее не видят и те, кто инициирует и пребывает в такой ситуации. Здесь подходит предложенное мною выражение «нация наций» (a nation of nations), которое сейчас используется и в других странах.

Обратим наш анализ к «массе различных государственных образований», которые якобы только мимикрировали под национальные государства из-за навязанной им европейской модели, для которых концепт нации не подходит; и у них «широкое поле для экспериментов» и есть свои варианты, которые наши специалисты пока никак не могут выявить, а тем более предложить для России. Главное, как пишет Миллер, «лишь бы были разумными» варианты строительства государства. К «неразумным» ученый обоснованно относит пример Украины, но в этой связи делает категоричное и противоречащее его собственным позициям суждение: «попытка построить нацию и государство там, где она не строится, не получается ее построить, чревата обострением, потенциальными расколами... Попытки у нас реализовать такой же проект тоже приведут к неприятностям». Здесь какая-то явная путаница с пониманием двух совсем разных проектов нациестроительства. В Украине делается попытка построить нацию на исключительной этноукраинской основе, сведя все остальное население в категорию меньшинств, в нацию не входящих. Никаких попыток в этой сложной по этническому, религиозному и регионально-историческому составу населения стране построить нацию на полиэтничной основе с федерализмом и официальным двуязычием не делалось. Хотя только такой вариант и мог бы получиться, по крайней мере, он был возможен до стадии открытого вооруженного конфликта внутри страны после 2014 года. В России «такой проект» государственного строительства как нации русского народа, собственно говоря, никто серьезно и не пытается реализовывать, кроме поборников радикального русского национализма.

Таким образом, если концепт нации и сама реальность национального государства – это уходящая натура даже для прародительницы Европы и для России вариант совсем не подходящий, если остальная «масса государственных образований» только мимикрирует под национальную идею, а на самом деле представляет собой некие иные, неназываемые сущности, тогда что же остается как идея страны и как вариант государственного строительства для России?

²⁴ Karl Deutsch, William Folt, eds, *Nation Building in Comparative Contexts*. New York, Atherton, 1966; Crawford Young, *The Politics of Cultural Pluralism*. Univ. of Wisconsin Press, 1979; Donald Horowitz, *A Democratic South Africa?: Constitutional Engineering in a Divided Society*. Univ. of California Press, 1991; Национальная политика в Российской Федерации: материалы Международной научно-практической конференции. Липки, сентябрь 1992 г. Под ред. В. А. Тишкова. М.: Наука, 1993; Этничность и власть в полиэтничных государствах: Сб. статей. Под ред. В. А. Тишкова. М.: Наука, 1994; Europe's New Nationalism. States and Minorities in Conflict. Ed. By Richard Caplan and John Feffer. Oxford Univ. Press, 1996; Ethnicity and Power in the Contemporary World. Ed. K. Rupasinghe, V. Tishkov. Tokyo: United Nations Univ. Press, 1996; Timothy D. Sisk, *Power Sharing and International Mediation in Ethnic Conflicts*. Washington, DC: United States Institute of Peace Press, 1996; Национализм в мировой истории. Под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007; Этничность и религия в современных конфликтах. Под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. М.: Наука, 2012; Культурная сложность современных наций. Под ред. В. А. Тишкова, Е. И. Филипповой. М.: РОССПЭН, 2016; Andreas Wimmer, *Nation Building*. Princeton Univ. Press. 2018.

Здесь у нас фундаментальные расхождения с могильщиками нации и национальных государств, а заодно и гражданского национализма как идеологии и практики государственного устройства и управления культурно сложными нациями современности. Наша позиция заключается в том, что *на нынешнем горизонте эволюции человеческих сообществ нет более значимой и всеохватной социальной коалиции людей, чем национальные государства*. Именно nation-states обеспечивают важнейшие экзистенциальные потребности и права современного человека: от территориально-ресурсного и организационно-хозяйственного жизнеобеспечения до устройства и поддержания социальных институтов, правовых норм общежития, воспитания, просвещения и окультуривания населения через поддерживаемыми государством системы. Государства обеспечивают гражданскую солидарность, предотвращают конфликты и насилие, защищают от внешних угроз и глобальных вызовов.

Более того, в условиях таких глобальных кризисов, как пандемия коронавируса, рассуждения о кризисе и сходе с арены наций-государств выглядят наивными. Как пишет британский антрополог Дэвид Геллнер, «события 2020 года стали мощной демонстрацией, что упадок наций-государств в век сверх глобализации или т. н. „потепления“, как и известие о смерти, по словам Марка Твена, было „очень сильным преувеличением“. По всему миру, с характерными местными отличиями в Северной Америке, Восточной Азии, Скандинавии и Южной Азии, в реальном времени происходит масштабный транснациональный эксперимент в области обществоведения и в реализации разных стратегий разными странами». По мнению ученого, мы проживаем момент радикального исторического поворота, когда перед лицом экзистенциальной угрозы «старые боги неолиберализма летят в печку». Пренебрегая законами рынка, который, как полагали, должен всем и всеми управлять, именно государства берут на себя главную ответственность. Как, например, в Великобритании, когда «одним росчерком пера было выделено 15 млрд фунтов стерлингов, чтобы решать вызванные ковидом-19 проблемы»²⁵. Нам нечего добавить к этому заключению, кроме сотен других подобных примеров, в том числе и о ключевой роли государства в период пандемии в России.

О возвращении национальных государств на мировую арену на фоне глобальных кризисов и кризисов межгосударственных и блоковых образований, о жестком отстаивании ими своих национальных интересов и суверенитета, о возвращении национализма в его гражданско-государственной форме писал недавно известный политолог Анатолий Ливен. Он выделил роль общественных мотиваций и мобилизации на основе идеи нации, которые лежат в основе легитимности и успешности современных государств. Как пишет этот специалист по проблемам национализма, «величайший источник и залог силы государства – не экономика и не размер вооруженных сил, а легитимность в глазах населения и всеобщее признание морального и юридического права государства на власть, на исполнение его законов и установлений, на способность призвать народ к жертвам, будь это налоги или, если понадобится, воинская повинность. Не имея легитимности, государство обречено на слабость и крах; или же ему придется прибегать к жестокости и устанавливать правление на основе страха. Фундаментальная слабость Европейского союза в сравнении с отдельными странами – членами ЕС состоит в том, что в глазах большинства европейцев он так и не добился настоящей легитимности, будучи псевдогосударственным образованием»²⁶.

Напомним, что в основе легитимности государств лежат разные факторы и обстоятельства. Среди них важен сам факт их длительного существования и преемственности т. н. исторической государственности, «создающее впечатление, будто данное государство есть неотъ-

²⁵ Gellner D. N. The nation-state, class, digital divides and social anthropology / Social anthropology. 2020. Vol. 28. N. 2. P. 270271.

²⁶ Анатолий Ливен. Прогрессивный национализм. Почему национальная мотивация нужна для развития реформ // Россия в глобальной политике. 2020. № 5. С. 25.

емлемая часть естественного порядка вещей»²⁷. Важны также успешность самого правления, которое население признает и поддерживает. Здесь особо значимы то, как институты и правители справляются с задачами сохранения порядка и внутренней безопасности, а также с внешними угрозами. Уже после Второй мировой войны определенную легитимность государствам придавала демократия как власть большинства и законно избранных правителей. «Но как обнаружили для себя многие демократические и полудемократические государства в прошлом столетии, одна лишь демократия не может бесконечно сохранять государство, если в обществе есть глубокий раскол и власти не добиваются жизненно важных для населения целей. Для легитимности государства необходим более основательный источник легитимности, коренящийся в общем чувстве национальной принадлежности. В современном мире величайшим и наиболее долговечным источником этих чувств и легитимности государства является национализм»,²⁸ – пишет А. Ливен.

Несколько другими словами, но мы также неоднократно высказывали мысль, что государства делают не просто территории с охраняемыми границами, не только столицы с госучреждениями, конституции и символика, а *государства делает легитимным и жизнеспособным прежде всего население, обладающее общеразделяемым чувством национального самосознания*, когда каждое живущее в этом государстве поколение проходит через своего рода повседневный референдум на приверженность и сопричастность к этому государству как к своему Отечеству. Можно все это назвать страновым или гражданским национализмом, можно назвать патриотизмом, а можно назвать национальным самосознанием (идентичностью). Различия здесь несущественные, они скорее лежат в страновых традициях общественно-политического словоупотребления²⁹.

О национализме

Учитывая историю трактовки понятия «национализм» в нашей стране, необходимо сделать некоторые разъяснения, что есть национализм³⁰. Под национализмом понимается *идеология и политическая практика, основополагающим принципом которой является тезис о ценности нации как высшей форме общественного единства, ее первичности в государствообразующем процессе*. Как политическое движение национализм стремится к созданию государства, которое охватывает территорию проживания нации и отстаивает ее интересы. В зависимости от понимания, что такое нация, национализм имеет две основные формы – гражданский, или государственный, и этнический. Гражданский национализм возник в эпоху становления современных государств, основанных на представлении о нации и о народе как согражданстве с общими самосознанием и историко-культурным наследием. Эта форма национализма направлена на обоснование легитимности государства, на консолидацию гражданской нации, но иногда содержит в себе установки на дискриминацию и ассимиляцию меньшинств, а также на государственную экспансию (мессианизм)³¹ или, наоборот, на изоляционизм. Этот вид национализма широко используется государствами через официальную риторику, символику и идеологические институты (образование, социальные науки, СМИ и пр.) с целью утвержде-

²⁷ Там же. С. 25.

²⁸ Анатолий Ливен. Прогрессивный национализм. Почему национальная мотивация нужна для развития реформ // Россия в глобальной политике. 2020. № 5. С. 26.

²⁹ См.: Тишков В. А. Российский народ. История и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.

³⁰ См., напр., статью «Национализм» в Большой российской энциклопедии, а также коллективный труд: Национализм в мировой истории // под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007.

³¹ Одна из книг А. Ливена посвящена анализу американского национализма как национализма гражданского типа с мессианистскими установками глобального лидерства американской нации.

ния общегражданской лояльности («служение и любовь к Родине», «уважение к стране и прошлому» и пр.), общих правовых норм и морально-культурных ценностей.

Национализм предполагает, что каждая страна должна управлять собой без вмешательства извне, что нация является основой для государственного устройства и что единственным законным источником политической власти является народ. Национализм выступает за утверждение национальной идентичности, основанной на общих социальных характеристиках, таких как историческая память, ценности и традиции, культура и язык, а во многих случаях также религия и политическая философия об идее нации. Именно последняя во многих трудных случаях нациестроительства из-за внутри общественных разломов обеспечивала солидарное единство нации, преодолевая противоположные интересы классов, региональных и этнических сообществ, расовых и кастовых групп. А. Ливен справедливо пишет: «За исключением коммунизма в течение его непродолжительного революционного периода, ничто в современной истории не может сравниться с национализмом в качестве источника коллективных действий, добровольных жертв и, конечно, государственного строительства. Другие элементы личной идентичности могут быть важны для каждого человека в отдельности, но они не создают крупных и долговечных институтов (за исключением мусульманского мира, где религия сохраняет сильные позиции)»³².

Национализм в его проявлениях в экономике, политике, культуре и идеологии оказался и в новейшее время зачастую спасительной стратегией сохранения государственности, обеспечения солидарности народа в условиях кризисов и внутренних конфликтов. Большинство политических руководителей больших и малых стран («лидеров нации») являются по своим убеждениям и действиям в разной степени националистами, т. е. национальные интересы страны являются для них главными приоритетами, и они их отстаивают всеми доступными им средствами. Президент США Д. Трамп наиболее ярко демонстрировал это в сфере экономики и геополитических амбиций. Президент России В. В. Путин отстаивает интересы страны в сфере стратегической безопасности и обеспечения благополучия российской нации. Лидер коммунистического Китая Си Дзиньпин на первый план выдвигает достижение мирового лидерства китайской нации и обеспечение общекитайского единства. Поэтому когда В. В. Путин называет себя националистом, он имеет в виду не его узко этнический вариант, а именно российский национализм как политику отстаивания и защиты интересов России и российского народа.

Надо сказать, что именно этот вариант национализма и его сердцевина – общероссийский патриотизм оказались важнейшей опорой для преодоления кризисных и чреватых дезинтеграцией явлений 1990-х гг. в нашей стране, удержали страну от нового раунда дезинтеграции. Невозможно игнорировать значение патриотической мобилизации народа всей страны и ее отдельных регионов (например, Дагестана) в ситуациях внешних вторжений международных террористов, олимпийских мероприятий, общероссийского консенсуса в отношении присоединения Крыма, почитания Дня Победы и павших в Великой Отечественной войне. Это по своей сути массовые проявления национализма гражданского толка, хотя мы предпочитаем называть это более привычно *патриотизмом*.

Многообещающей стратегия общенациональной мобилизации оказалась и в современном Китае. После того как Китай начал проводить новую государственную стратегию – своего рода авторитарный социально-ориентированный рыночный капитализм, именно общекитайский (не ханьский!) национализм пришел на смену коммунизму в качестве идеологии, придающей легитимность государству. Как считает А. Ливен, национализм «может сработать и для западных стран, поскольку либеральная демократия не решает главных задач увеличения благосостояния и безопасности для населения в целом. Подобно тому, как в Китае сохраняется коммунистическое государство, но с националистическим содержанием, так и на Западе демо-

³² Ливен А. Прогрессивный национализм. С. 26.

кратия может сохраниться, если на смену либерализму придет национализм. По крайней мере, в 2020 г. этот процесс изменения парадигмы идет полным ходом в некоторых странах ЕС»³³.

В противовес тезису Миллера, что nation-state уже отжившая норма, которую якобы давно оставили серьезные обществоведы, проблема нации и национализма остается одной из центральных в мировом идеологическом багаже и одной из основ организации суверенных сообществ-государств. Я убежден, что *в сегодняшнем мире и, возможно, еще очень длительное время единственной по-настоящему популярной силой, сохраняющей привлекательность и дающей возможность перспективного мышления, остается идея нации и идеология национализма*. Ислам с его идеей «уммы» как сообщества единоверцев мог бы сыграть схожую консолидирующую роль в мусульманском мире, но представители этой мировой религии не признают регионально-культурные различия, на основе которых существуют десятки стран с мусульманским населением, а также не вырабатывают свое отношение к современности как таковой. Как идеология государственности ислам можно условно назвать только применительно к Ирану, но здесь религия как основа правления сочетается и поддерживается сильной национальной идентичностью на основе традиций древней персидской государственности и культуры.

Так что это очень большой вопрос насчет смерти нации, национализма и nation-state как в старой и давно национализированной Европе, так и в остальном национализирующемся мире. Последние страны многое бы отдали, чтобы иметь у себя больше национализма и более сплоченные национальные сообщества. Никто из них не снимает эти задачи с повестки дня государственного строительства. Поэтому, чтобы избежать упрощенных обвинений в адрес российского национального проекта и его сторонников под тем предлогом, что концепт гражданской нации для России никак не подходит, мы рассмотрим опыт нациестроительства в других крупных государствах мира, исходя из постулата, что при всем своеобразии нашей страны она во многом схожа по вопросам общественного устройства и государственного строительства с другими странами. Интеллектуальный изоляционизм и высокомерие здесь не в помощь. Полезны сравнения с опытом больших стран и наций, история и культура которых позволяют применять в отношении их полюбившееся многим в России в последнее время термин «цивилизация».

³³ Ливен А. Прогрессивный национализм. С. 27.

Глава 2

Нации-государства в историческом и глобальном контексте

Сначала снова о терминах и истории словоупотребления. Отметим, что сам термин *национальное государство* или *nation-state* – это всего лишь синоним для любого суверенного государства с обозначенной и контролируемой территорией и с установленным фактом постоянного населения. Само это понятие стало использоваться после появления Вестфальской системы международных отношений, которая еще в середине XVII в. определила принципы суверенных государств, некоторые из которых действуют и поныне. К. Янг пишет: «В возникновении национального государства не было ничего естественного или предопределенного исторической судьбой. Это сравнительно новое явление в европейской истории – национальные государства стали складываться в момент Французской революции, и в их формировании большую роль сыграли интеллектуальные течения эпохи Просвещения. По мере того как складывалось современное гражданское общество, само понятие нации (национальности) стало сливаться с понятием гражданства и принадлежности к государству ... Нации, подобно государствам, обусловлены обстоятельствами, а не всеобщей необходимостью, однако при этом считается, что они предназначены друг для друга и что одно без другого неполно и является трагедией»³⁴.

Национальные государства и их роль

Рассуждения о том, что есть национальное (или ненациональное) государство, является ли Россия национальным государством, каков должен быть состав населения, чтобы считаться национальным государством, – все эти разговоры из арсенала советских дебатов, когда под национальными государствами понимались этнически обозначенные государственно-административные образования в составе Советского Союза. Этот подход включает также утверждения о принадлежности к национальным государствам европейских стран по причине наличия там давно сложившихся наций и их, якобы, этнически гомогенного состава. Все это упрощенные заблуждения, ибо формирование европейских наций, несмотря на все различия, особенно между т. н. французской (якобинской) и германской моделями нации, между Западной и Восточной Европой, было схоже в двух ипостасях. Во-первых, во всех случаях это были верхушечные проекты, инициированные и осуществляемые элитой, но с опорой и использованием реально существовавших культурно отличительных сообществ, в разной степени осознающих свою общность на массовом, низовом уровне. С французской нацией, предписанной революционной элитой, а затем бонапартистским режимом, казалось бы, все ясно: это была конструкция, в основу которой были жестко положены культурный компонент и языковой вариант центрального района страны Иль-де-Франс. Но и в случае с германской нацией, где присутствовало обращение к некому извечному «духу нации», ее природным корням, на самом же деле строительство германской нации осуществлялось бисмарковским «огнем и мечом». Схожая ситуация была и в других европейских вариантах. К. Нагенгаст пишет: «Многие „национальности“ Восточной и Центральной Европы, в основании которых лежат предполагаемый общий язык, реальные или мифические предки и история, были в буквальном смысле созданы элитами, причем некоторые представители этих элит даже не могли говорить на языках изобретенных таким образом национальностей»³⁵.

³⁴ Янг К. Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность // Этничность и власть в полиэтнических государствах: Сб. статей / Под ред. В.А. Тишкова. М.: Наука, 1994. С. 92–93.

³⁵ Нагенгаст К. Права человека и защита меньшинств: этничность, гражданство, национализм и государство // Этничность

В интеллектуальных кружках и в академических институтах имели место творческое «воображение наций», вырабатывался вариант замещающего диалекты единого литературного языка, создавались фольклорные эпосы и писалась «национальная история». Э. Кисс отмечает роль таких поборников национального строительства, которые «достигли совершенно разных политических результатов, что особенно наглядно проявилось в случаях с численно небольшими группами, не обладавшими на протяжении своей истории политической независимостью. Так, в 1809 г. некий филолог изобрел наименование „словенцы“ и стал творцом словенского национального самосознания. Движение, началу которого он содействовал, привело в конечном счете к тому, что Словения приобрела республиканский статус в рамках Югославии, а в прошлом году стала независимым государством. Вместе с тем членам других диалектных групп, например сорбам [лужичанам], так и не удалось выработать единого коллективного самосознания, и их политическое и культурное присутствие в современной Европе никак поэтому не ощущается»³⁶.

Второй общий момент в европейском и в любом ином нациестроительстве заключается в том, что особой гомогенизации населения в его культурных характеристиках добиться не удалось на протяжении всей истории национального государства, включая стадию модернистской глобализации. Ответом на нивелирующее воздействие мирового капитализма и массовой культуры стали феномены «этнического возрождения», «поиска корней», «восстания меньшинств» и т. п. Как писал американский антрополог Джон Комарофф, публикации последнего времени на тему политики самосознания начинаются обычно с того, что отмечается, насколько удивительно ошибочной и банальной оказалась евро-американская теория национального государства в ее объяснениях этого феномена. «Взрывная живучесть этнического и национального сознания опрокинула все самонадеянные исторические предсказания, делавшиеся слева, справа и из центра, об отмирании культурного плюрализма в конце XX века. Нам говорили, что всем „исконным“ культурным привязанностям придется окончательно исчезнуть под влиянием „современности“, возмужания национального государства и глобализации индустриального капитализма»³⁷.

Таким образом, европейские нации не были и не являются ныне некими культурно-гомогенными коллективными телами, некой сакральной, освященной историей и культурой сущностью. Возможно, классическая евро-атлантическая идея нации заключала в себе такую цель, но она не реализовалась. А вот что действительно удалось – так это утвердить среди населения *представления об единой нации* (французов, немцев, итальянцев и т. д.), сформировать чувства сопричастности и лояльности (национального самосознания-идентичности), дисциплинировать население по части исполнения долга перед нацией и обучить его общим для всех членов нации правам и обязанностям. Желаемая культурная гомогенность национальных сообществ по сути обрела обратную инерцию в последние десятилетия в связи с массовой миграцией населения, увеличившей культурную сложность и сверхразнообразие старых, казалось бы давно сложившихся наций. Однако перестали ли от этого существовать национальные государства и сами нации по причине утраты своей реально никогда не существовавшей этнической чистоты?

Если не брать историософскую публицистику, то все эти дебаты не имеют отношения к строгой науке о нации и национализме, а тем более к пониманию природы современных государств, в которых нации отличаются культурной сложностью в этническом, расовом и религиозном отношениях. Достаточно посмотреть, кто сегодня составляет французскую, немецкую,

и власть в полиэтнических государствах / Под ред. В.А. Тишкова. М.: Наука. 1994. С. 81.

³⁶ Кисс Э. Национализм реальный и идеальный. Этническая политика и политические процессы // Этничность и власть в полиэтнических государствах / Под ред. В.А. Тишкова. М.: Наука, 1994. С. 148–149.

³⁷ Комарофф Дж. Национальность, этничность, современность: политика самосознания в конце XX века // Этничность и власть в полиэтнических государствах / Под ред. В.А. Тишкова. М.: Наука, 1994. С. 35.

британскую нацию, не говоря уже об американской и канадской, и ответ будет ясен даже на основе только одного визуального анализа. Так что *нынешние поиски ответа на давний вопрос «что есть нация?» с позиций установления онтологической сущности как культурно-гомогенного коллективного тела являются бесплодными*, что и доказывают ряд наших отечественных специалистов по данной теме, которые пишут книгу «О нации» без определения самого этого предмета, считая, что определить нацию как нечто стабильное очень трудно.

Итак, *все государства, независимо от состава населения и формы правления, но в которых присутствует в политике и в общественном сознании представление об общности по стране, лояльность и солидарность населения, патриотизм как чувство сопричастности со своей Родиной, имеют основания считать себя нациями*. Другое дело, что в ряде случаев сам этот термин, заимствованный из Европы, может заменяться другим схожим по смыслу понятием. Он может быть больше связан с религией (например, в мусульманских странах с понятием «уммы») или с идеологией т. н. национального вопроса (например, в Китае понятие «джонхуа миндзу» как «нация национальностей»). Наконец, в СССР «советский народ» был гражданско-политической нацией, но только сам этот термин был отдан в пользование этническим общностям, а народ был объявлен «новым типом исторической общности людей».

Возврат наций и национального государства – это лишь некая метафора как ответ на неолиберализм и постмодерн с их отрицанием данной довольно строго организованной формы социальных коалиций людей в пользу свободы личности, мирового правления и частного интереса. На самом деле эти самые важные и значимые для людей коалиции в форме суверенных согражданств никогда и не сходили с исторической арены трех последних столетий. Нациестроительство на основе идеи нации и гражданского национализма (не без примеси этнонационализма) было всегда и остается сегодня основой успешного и безопасного существования той или иной страны. Всякие разговоры об отмирании наций-государств исходят от тех, которые уже имеют такую государственность в достатке и даже в избытке. Зато десятки стран мира страдают и переживают драмы из-за того, что в стране нет представления о нации, когда само государство не обладает всеми атрибутами национального государства (прежде всего суверенитетом). В итоге можно определенно сказать, что *nation-state остается нормой мира современных государств, и сама эта тема остается чрезвычайно актуальной для обществоведов и политиков*.

Крупнейшие нации мира и их устройство

Вернемся на стезю практико-ориентированного анализа в той части, которая касается обозначенной нами темы идеи нации и существа современного нациестроительства. Поскольку Российская Федерация относится к разряду крупных государств со сложным этническим и религиозным составом населения, нас интересует опыт понимания и управления такого рода обществами в остальном мире. Культурная сложность (на привычном языке – «многонациональность») не является уникальной характеристикой нашей страны, ибо в десятках самых крупных стран (Россия находится на десятом месте по численности населения) нет стран с гомогенным этническим, расовым и религиозным составом населения. Более того, добрая половина стран в первой десятке имеет значительно большее число этнических групп, которые могут называться по-разному: «народы», «нации», «национальности», «меньшинства», «племена», а иногда – вообще не иметь какого-либо категориального обозначения, кроме как «этнии» или «другие». Чаще всего это происходит по причине их официального непризнания со стороны государства. Тем не менее в науке и в международной практике существует традиция определения этнического состава населения государств мира. Особенно сильная традиция такого глобального подсчета существует в отечественной этнологии и статистике.

В 1960-е гг. Институт этнографии АН СССР издал многотомную серию «Народы мира», которая долгое время была наиболее авторитетным источником по данному вопросу и заслужила неофициального перевода на английский язык в США «для служебного пользования». С. И. Брук издал этнодемографический справочник о населении всех стран мира, и по каждой стране в нем содержались сведения об этноконфессиональном и расовом составе, хотя все это подводилось под концепцию повсеместного существования этносов, а не каких-либо других форм культурно-отличительных сообществ. В 1998 г. вышла в свет под моей редакцией энциклопедия «Народы и религии мира», в которой было 1250 статей о народах и 450 статей о религиях³⁸. Своего рода реестр этнической номенклатуры мира ведет международная организация «Этнолог», а также свой список этнических групп мира ведет ЦРУ США. Приведем сведения по устройству и составу населения самых крупных стран мира (Таблица 1).

³⁸ Народы и религии мира. Энциклопедия. Гл. ред. В.А. Тишков. М.: Изд-во Большая российская энциклопедия, 1998.

Таблица 1

**Государственное устройство и этнический
состав крупных стран мира (на 2020 г.)**

№	Страна	Население	Устройство	Число этнических групп
1	Китай	1 400 970 200	Унитарное с системой автономий: помимо 24 провинций, 5 авт. районов, 30 авт. округов, 117 авт. уездов, 1085 нац. волостей.	Официально признаны 56 национальностей: хань 91,6%, другие 55 (джуан, хуэй-дунгане, маньчжуры, уйгуры, сибо, мяо, наси, лаху, тибетцы, монголы, донг, дзинпо, буи, корейцы, хани, ли, казахи, тай и др. национальности) 7,1%
2	Индия	1 357 580 350	Федерация, парламентская республика, 29 штатов по языковому принципу, 7 союзных территорий	Несколько сот наций, народностей и племен; крупнейшие из них: хиндустанцы, телугу, маратхи, бенгальцы, тамилы, гуджаратцы, каннара, пенджабцы и др.
3	США	329 210 630	Федерация, президентская республика, 50 штатов, система резерватов для индейцев	Этно-расовые группы: белые 72,4%, черные 12,6%, азиаты 4,8%, индейцы 0,9%, островные аборигены 0,2%, другие 6,2%, расово-смешанные 2,9%. Испаноамериканцы разной этнической принадлежности 16,3%. Среди белых преобладают выходцы из стран Европы

№	Страна	Население	Устройство	Число этнических групп
4	Индонезия	265 015 300	Унитарная парламентская республика	Около 300 этнических групп: яванцы 40,1%, сунданцы 15,5%, малайцы 3,7%, батаки 3,6%, мадурцы 3%, бетави 2,9%, минангкабау 2,7%, бугисы 2,7%, китайцы 1,2%, папуасы и др. 15%
5	Пакистан	212 742 631	Федерация смешанного типа с этнотерриториальными автономиями	Около 100 этнических групп: панджаби 44,7%, пушту 15,4%, синдхи 14,1%, сирайки 8,4%, урду 7,6%, белуджи 3,6%, другие 6,3%
6	Бразилия	211 014 564	Федеративная, президентская республика, 26 штатов	Этничность не учитывается: белые 47,7%, мулаты 43,1%, черные 7,6%, азиаты 1,1%, индейцы 0,4%
7	Нигерия	188 500 000	Федерация, 36 штатов с учетом этнорелигиозного состава	Более 250 народов и племен. Наиболее крупные народности: хауса 22% (42 млн), йоруба 21% (40 млн), игбо (ибо) и иджо 18% (34 млн), фулани 10% (19 млн), ибибио 5% (9 млн), канури 4% (8 млн)
8	Бангладеш	167 961 222	Унитарная парламентская республика	Основное население бенгальцы 98%, 27 малых этнических групп 1,1%, по др. источникам 75 групп

№	Страна	Население	Устройство	Число этнических групп
9	Россия	146 877 088	Федерация с автономиями (22 республики, авт. область, 5 авт. округов)	193 этнические группы: русские 79%, татары 3,7%, украинцы 1,4%, башкиры 1,1%, чувашаи 1%, чеченцы 1%, другие 10,2%, без указания национальности 3,9%
10	Мексика	126 577 691	Федерация без автономий, 31 штат	Метисы (испано-индейские) 62%, индейцы 28%, другие 10% (гл. обр. европейцы). Перепись не собирает данные по этничности
—	Мир в целом	7 759 546 000	202 страны (193 члены ООН), из них 27 федеративных	Около 5–6 тысяч этнических групп и около 7 тысяч языков

Как устроены эти страны, какие идеи и доктрины лежат в основе их государственного строительства и что составляет компоненты национального самосознания (идентичности) таких культурно-сложных обществ? Наше исследование показывает, что крупные страны с этнокультурным и регионально-историческим разнообразием чаще выбирают федеративный тип государственно-административного устройства с делегированием «субъектам федерации» разную степень полномочий. Это Индия, Индонезия, Нигерия, Бразилия, США и Канада. Россия в этом числе, и этот вариант для нашей страны апробирован историей Российского государства, опытом СССР и уже новой России. Среди крупных стран есть также страны с унитарным устройством, но с внутренними автономиями разного уровня (Китай, Индонезия).

Здание ООН в Нью-Йорке

Крупные страны по-разному отражают в административно-государственном устройстве регионально-культурные особенности населения. Наиболее распространенный вариант – это смешанный тип, когда внутри федерации или унитарного образования существуют автономные территории (провинции, округа, районы и т. п.), которые имеют этнонациональный профиль и статус, равный или отличный от составляющих федерацию образований. Так устроены Китай с его национальными округами, автономными районами Тибет и Синьцзян, автономными уездами и национальными волостями. Похожим образом устроены другие полиэтничные страны, за исключением европейских стран, где предпочтение отдается экстерриториальной культурной автономии, и мусульманских государств, где концепт единой *уммы* не позволяет признавать меньшинства (Турция и Иран).

Некоторые страны на уровне субъектов федерации не придают последним особого этнически обозначенного статуса, но тем не менее их границы организованы с учетом этноязыковых характеристик населения, как, например, в Индии после реорганизации штатов в 1956 г. с учетом этноязыкового состава населения. Однако в Индии имеются особые районы и целые штаты, которые де-факто являются автономиями на этнической основе (например, штат Нагаленд с населением, состоящим из племен *нага*) и даже неконтролируемые центральным правительством районы, как Джамму и Кашмир, где националистическое, сепаратистское движение фактически переродилось в джихадистское подполье. Последний пример имеет особый смысл с точки зрения оценки исторических попыток реализовать «теорию двух наций» на религиозно-этнической (коммуналистской) основе в противовес секулярному и кросс-этническому варианту нациестроительства³⁹.

³⁹ См. подр.: Шаумян Т.Л. Проблема Джамму и Кашмира // Национализм в мировой истории / отв. ред. В.А. Тишков, В.А.

Чтобы не исключать из сравнительно-исторического анализа Европу, приведем пример Испании с точки зрения ее устройства. Испания – полиэтническая страна, где кроме *кастильцев* живут *каталонцы, галисийцы, баски, окситанцы, астурийцы, арагонцы*, говорящие на своих языках, имеющие отличительные культурные традиции и сильное коллективное самосознание, основанное к тому же на исторической памяти существования отдельных государственных образований. По своей форме Испания – это конституционная монархия, но идея испанской нации как основы государства утвердилась в XX в., и испанская культура и кастильский (испанский) язык имеют выдающиеся заслуги перед мировой культурой.

Пережив режим Франко, когда некастильское население, их культура и языки подвергались насильственной ассимиляции, Испания вышла на государственное устройство, основанное на федерации 17 автономий с высоким уровнем самоуправления. Автономные сообщества имеют собственные конституции (статуты), такие культурно мощные и экономически развитые регионы, как Каталония и Страна Басков, в своих статутах записали понятия каталонской и баскской наций, и добрая половина населения и политического класса занимают сепаратистские позиции в пользу создания собственных государств. В таком случае закономерен вопрос, а есть ли нация в Испании и кто в нее входит? Естественно, что такой же вопрос тем более закономерен для стран первой десятки по численности населения.

Если, как считают отрицатели российской нации, в Татарстане не принимают российскую нацию, то уж тем более не принимают китайскую нацию в Тибете и Синьцзяне, индийскую – в Нагаленде и в Джамму и Кашмире, испанскую – в Каталонии и Стране Басков, французскую – на Корсике, британскую – в Ольстере и Шотландии, канадскую – в Квебеке. И так по всему списку государств с сепаратистскими регионами и общественно-политическими силами. Так что *тезис о наличии разного рода диссидентов внутри той или иной гражданской нации никак не может служить аргументом в пользу отрицания ее существования*. Точно так же как нельзя связывать наличие нации в том или ином государстве с характером ее правления, а точнее – с наличием или отсутствием демократии.

Важно рассмотреть конкретно, как разные страны и их правители и в разные времена, особенно сегодня, «работают с категорией нация» (выражение А. Миллера). Прежде всего нет сомнений, что все крупные полиэтнические страны выбрали в качестве доктринальной основы своей легитимности и обеспечения согласия идею гражданской нации и идеологию национализма как идеологию сопричастности с Родиной, верности и служения Отечеству, т. е. патриотизма.

Идея нации как согражданства с общей судьбой, ценностями и ответственностью служит основой фактически всех современных государств, но для крупных стран со сложным составом населения и большими региональными различиями эта идея исторически утверждалась с большим трудом, конкурируя с этническим национализмом, трайбализмом и региональным сепаратизмом. В ряде случаев идею общей нации на полиэтнической основе отвергали представители этнического большинства, как, например, национализм хиндиязычного большинства в Индии или ханьский шовинизм в Китае. Пожалуй, наиболее серьезными противниками российской нации в России также выступают радикальные представители т. н. русского национализма, а не только нерусские этнонационалисты. В Канаде концепт канадской нации конкурирует с идеей франкофонов о квебекской нации, а также с «первыми нациями» в лице индейцев и инуитов, имеющими внутреннюю автономную территорию и резервационные общины.

Имеются трудные варианты, когда в стране могут конкурировать две или три равнозначные по своим демографическому и культурному потенциалу национальные идеи. Это так называемые двухобщинные или равнообщинные государства, как, например, Бельгия в Европе или

Малайзия в Южной Азии. Но и в этих случаях обнаруживаются рецепты для преодоления такого цугцванга и вырабатываются проекты национального строительства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.